

Образ жизни и занятия ссыльных врачей в Сибири участников восстания 1863-1864 гг. в Беларуси

Белорусский государственный медицинский университет

Профессор Владимир Дьяков в одной из своих статей писал, в частности, следующее: «Заметный след в сибирской жизни и благодарную память у местного населения оставили в XIX в. ссыльные врачи».

Оказавшись на чужбине, ссыльные были вынуждены приспособливаться к новым, принципиально отличавшимся от привычных, условиям жизни. Отличия эти касались самых разных сторон – от климатических условий и свободы передвижения до социального окружения.

В целом документальные материалы содержат довольно скудные сведения о занятиях ссыльных. Наибольшую известность, получила деятельность ссыльных врачей. Согласно правилам 1866 и 1870 гг., ссыльным запрещалось заниматься медицинской практикой. Лишенные официально права работы по специальности, они никогда не соблюдали этих запретов. Первоначально одним из немногих ограничений, которые распространялись на врачей, являлся запрет на выписку лекарств. В этой ситуации ссыльные врачи вынуждены были покупать у местных коллег бланки рецептов. С конца 1867 г. этот запрет отменяется, и ссыльные врачи сами получают право выписывать рецепты для приобретения лекарств. Кроме того, недостаток медицинских кадров, крайне высокая заболеваемость и смертность населения вынуждали сибирских губернаторов ходатайствовать о разрешении частной медицинской практики ссыльным врачам и фельдшерам или «не замечая» этой деятельности не препятствовали ей. Так, летом 1871 г. в связи с угрозой холерной эпидемии руководство Казанской губернии было вынуждено прибегнуть к помощи ссыльных, имевших медицинское образование.

Следует отметить, что труд врачей был чрезмерно тяжелым, они подвергались надзору, им отказывали в средствах на медикаменты, задерживали обеспечение лошадьми для развозов по обслуживаемому участку. Критика санитарных беспорядков рассматривалась как антиправительственная деятельность, а участливое отношение к больным, как “преступное сближение с целью распространения революционных идей”. Ссыльных врачей могли уволить в любое время или запретить заниматься медицинской практикой без всяких на то оснований.

Несмотря на эти обстоятельства, в 70-80 гг. XIX в. большинство врачебных и фельдшерских должностей в Сибири были замещены сосланными врачами из белорусско-литовских губерний, которые были приговорены к различным видам наказаний. Среди них были: Антоний Борзобогатый шляхтич 33 лет Новогрудского уезда, Гродненской губернии, имел врачебную практику в Новогрудском, а позже в Слуцком уездах. По конфирмации генерал-губернатора Северо-Западного края Михаила Муравьева от 13 декабря 1864 г. он был выслан на жительство в Томскую губернию [1, л.3]. Валериан Вильчевский шляхтич Минской губернии, окончил киевский университет св. Владимира, имел частную врачебную практику в Слониме, после суда был выслан в Енисейскую губернию [10, С.150]. Владислав Симонович дворянин Новогрудского уезда, около 32 лет в Слонимском госпитале выполнял обязанности фельдшера. По конфирмации командующего войсками виленского военного округа приговорен к 12 годам каторжных работ в рудниках, был выслан в Енисейскую губернию [2, л.55]. Викентий Пармон однодворец из местечка

Зельва Волковысского уезда Гродненской губернии, 31 год, вольнопрактиковавший фельдшер, был выслан на жительство в Оренбургскую губернию [3, л. 3].

В архивных материалах есть самые различные формулировки относительно характера преступления ссыльных врачей. Встречаются прямые указания – «принимал участие в трех сражениях в отряде Лукашевича, оказывал помощь раненым» (В.Вильчевский), «был предводителем повстанческого движения в г. Гродно арестован при оказании помощи раненым повстанцам» (С.Цехановский). Но наиболее характерны формулировки довольно, общего характера: «за политическую неблагонадежность» (Ф.Залесский, Ф.Мороз, В.Пармон), «за соучастие в мятеже» (Ф.Ивановский), «за прием в своем доме мятежников и снабжении их продовольствием» (С.Бродовский), «за бытность в шайке мятежников и за имение у себя стихов возмутительного содержания» (Ф.Ожешко). Как видим, врачи были активными участниками восстания и не ограничивались только профессиональной помощью.

Влияние на образ жизни ссыльных оказывало их материальное состояние. Для многих главным и единственным источником денежных средств, стали ежемесячные пособия, выдаваемые правительством. Порядок и условия их получения были нормативно урегулированы. По прибытии к месту назначения, ссыльные подавали на имя местного губернатора прошения о выделении «вспомоществования от казны». Последний в свою очередь подавал запрос губернаторам Северо-западного края для выяснения наличия или отсутствия имущества, капитала, иных источников дохода способных обеспечить средствами к существованию ссыльного повстанца, после чего обращался в министерство финансов [4, С.7]. Согласно положению Комитета министров от 20 января 1867 г. ссыльным из шляхты и дворян, назначалось квартирных и суточных по 6 рублей в месяц [5]. Указанная сумма не всегда соответствовала действительности, так С. Бродовский воспользовавшись «царской милостью» в 1869 г. переехал из Томска в м. Ветлуга Костромской губернии, где ему было назначено денежное пособие в размере 6 копеек в день [6, л. 160-164]. Для обеспечения жизни в ссылке врачи искали и другие способы, к примеру, Флорентин Ожешко прибыв в Томск в 1864 г. оказавшись без средств к существованию нашел работу «аптекарского мальчишка» в одной из местных аптек за 10 рублей в месяц, на которые в первое время и жил [7, С.141]. Для Иосифа Пиотровского особенно сложными оказались первые месяцы пребывания в Вятке. Поиск работы в качестве фельдшера не принес результатов, и Пиотровский принимает решение поступить на службу в типографию Александра Красовского, где выполняет обязанности управляющего и корректора его типографии [8, С. 204].

Многие остались в Сибири, связав навсегда свою судьбу, и судьбу своих потомков, с краем ставшим для них уже не только местом ссылки, но и родной землей. Из этого следует, что изучение темы ссылки после подавления восстания 1863 – 1864 гг. в Беларуси, актуально не только в плане обобщения и анализа уже выявленного общего материала, но и в плане изучения отдельных судеб повстанцев, особенно тех из них, кто остался в Сибири.

Благодаря воспоминаниям, оставленным сыном ссыльного Иосифа Карнаце-вича Станиславом Карнацевичем, возможно проследить профессиональную карьеру его отца в ссылке. Иосиф Карнацевич родился в 1837 г. в семье однодворца в д. Станиле-вичи Поставского уезда, Виленской губернии. Оставшись рано без отца и получив хорошее домашнее образование, подростком он был отдан матерью на выучку фельдшерскому делу к доктору Стецевичу. Уже через пять лет он самостоятельно исполнял обязанности фельдшера. За участие в восстании он был подвергнут военному суду и «приговорен к отдаче в арестантские роты сроком на 4 года, а за окончанием срока... отсылается в

Сибирь». На первых порах Иосифу Карнацевичу удалось, устроиться фельдшером в Ишим-ской городской больнице, где он показал себя сведущим медиком и заслужил уважение и доверие коллег. Из Ишима в 1869 г. И. Карнацевич переехал в Тюмень, где в течение 14 лет работал фельдшером под руководством земского врача. В 1877 г. Карнацевич получил разрешение на временный выезд из Сибири. В этом же году в Варшавском университете он успешно сдает экзамен на звание старшего фельдшера и получает диплом. С 1889 г. И. Карнацевича принимают на постоянную службу в должности фельдшера на Тюменский кожевенный завод, где он отработал 29 лет. Ю. Карнацевич имел обширную практику, пользовался известностью и уважением населения Тюмени. Город-ские власти предоставили ему право иметь именную вывеску на воротах дома «Медицинский фельдшер Ю.В. Карнацевич» [9, л. 2].

Яркий след в истории г. Тюмени оставили и другие представители семьи Иосифа Карнацевича. Врачами стали его сын, внучка и правнучка. Общий стаж этой династии медиков составил около 175 лет.

Изложенные факты раскрывают условия адаптации изгнанников через повседневную жизни и деятельность в ссылке, иллюстрируя, как в условиях личной несвободы, эти люди сумели не только устоять духовно, но при этом сумели нести медицинское просвещение и квалифицированную помощь местному населению.

Литература

1. Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). Ф. 295, оп. 1, д. 17036.
2. НИАБ в г. Гродно, ф. 3, оп. 3, д. 4.
3. НИАБ в г. Гродно, ф. 1, оп. 34, д. 417.
4. Сборник циркуляров и инструкций министерства внутренних дел 1862–1864 гг. СПб., 1870.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 38. Отд. 1 № 44143.
6. НИАБ. Ф. 2001, оп. 2, д. 32.
7. Ханевич, В. Участники Январского восстания и их потомки в истории г. Томска / Ханевич В. // Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja. Kielce, 2005.
8. Серак, Е. Юзеф Петровский и его просветительская деятельность в сибирской ссылке / Е. Серак // Актуальныя праблемы паланістыкі. Минск, 2007.
9. Государственный архив Тюменской области, ф. 1759, оп. 1, д. 43.
10. Sliwowska, W. Syberia w życiu i pamięci Gieysztorów – zesłanców postyczniowych / W. Sliwowska. Warszawa, 2000